

ДЖ. МАЙКЛ СТРАЖИНСКИ

ПИСАТЕЛЬ, СЦЕНАРИСТ

«ВАВИЛОНА-5»

И ДРУГИХ КУЛЬТОВЫХ КИНОЛЕНТ

ОБРЕТАЯ СУПЕРСИЛУ

КАК Я ПОВЕРИЛ,
ЧТО ВСЕ ВОЗМОЖНО

АВТОБИОГРАФИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ
НИЛА ГЕЙМАНА

18+

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Дж. Майкл Стражински
Обретая суперсилу.
Как я поверил, что всё
возможно. Автобиография
Серия «Вселенная комиксов.
История создания современной
гик-культуры в людях и событиях»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68015191

Обретая суперсилу. Как я поверил, что всё возможно: автобиография:

ISBN 978-5-04-174173-0

Аннотация

«Если история моей жизни и интересна, то разве что тем, что она доказывает существование возможности выбрать собственный путь, разорвать порочный круг насилия, абюзу и сомнений и ясно показывает, что можно бороться и победить».

Джозеф Майкл Стражински известен нам прежде всего как один из самых успешных сценаристов-фантастов. Он автор фильмов «Тор», «Другой мир: пробуждение» и, конечно, популярнейшего сериала «Вавилон-5». Но есть история, которую он никогда прежде не рассказывал: его собственная.

В автобиографии Стражински рассказывает о своем детстве, которое он провел в крайней нищете. Отец был жестким и пьющим человеком, а мать то и дело оказывалась в психиатрических клиниках. Убежище от ужасов реальности молодой Джо нашел в любимых комиксах. Читая об удивительных мирах и супергероях, он понял, что и у него есть своя суперсила – рассказывать истории, от которых невозможно оторваться. Но даже добившись успеха, Стражински много лет не мог избавиться от темной и шокирующей тайны его семьи.

Это история созидания и тьмы, надежды и успеха, невероятного злодея и маленького мальчика, который стал героем своей жизни. И, конечно, захватывающий закулисный взгляд на создание любимых фильмов и сериалов.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Благодарности	7
Предисловие	8
Глава 1	12
Глава 2	37
Глава 3	56
Глава 4	65
Глава 5	70
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Дж. Майкл Стражински

Обретая суперсилу.

Как я поверил, что всё

возможно: автобиография

BECOMING SUPERMAN J. Michael Straczynski

Copyright © 2019 by Synthetic Worlds, Ltd.

All rights reserved.

© А.Фалькон, перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

С благодарностью и уважением посвящаю этот труд четверке неутомимых всадников (или рабочих лошадок), без которых из моей жизни едва ли получилось бы что-нибудь хорошее.

КЭТРИН ДРЕННАН, которая всегда верила, что из меня что-нибудь да получится;

ХАРЛАНУ ЭЛЛИСОНУ, который через свое творчество научил меня, что значит быть писателем;

НОРМАНУ КОРВИНУ, чья жизнь показала мне, что это значит — быть человеком;

а также МАРТИНУ СПЕНСЕРУ, провокатору из Paradigm¹, чья вера в мой успех позволила мне написать эту книгу.

¹ Paradigm – американское агентство в сфере развлечений, представляющее интересы множества людей из сферы культуры. – *Прим. пер.*

Благодарности

Для сохранения точности и объективности повествования в этой книге мне пришлось обратиться с вопросами ко многим свидетелям описываемых событий. Они читали рукопись, подтверждали, изменяли или предлагали свои версии. Благодарю за оказанную мне помощь Кэтрин Дреннан, Марка Оруолла, Кати Скуур (в девичестве Уильямс), Тима Пагарда, Джери Тейлор, Дэвида Моссингера, Уолтона Дорниша, Фрэнка Скибицки и мою сестру Терезу.

Не могу не выразить благодарность моему ассистенту Стефани Уолтерс, а также Жаклин Истон, которая первой прочитала эту книгу, судебному адвокату Карлин Голлер, моему личному адвокату Кевину Келли из юридической компании Gendler-Kelly, он работает со мной целых двадцать лет и внимательно изучил рукопись на предмет возможных неприятностей. Я выражаю признательность своему «волшебному коту» Бадди (более известному в мире хип-хопа как Бадди Ти-Эм-Си), а также агенту Эмме Парри за ее самоотверженный подход к работе и редакторам Еве Клакстон и Доменике Алиото за то, что смогли уложить на лопатки зверя, таившегося в этой книге.

Предисловие

Мы познакомились с Джо Стражински, насколько я помню, в январе 1991 года. Он вел передачу «25-й час» на FM-радиостанции KPFK в Лос-Анджелесе, и нас с Терри Пратчеттом пригласили на один из эфиров поговорить о нашей с ним книге «Благие знамения». Мы сидели и ждали, когда в студии появится Джо, но тут пришла руководительница радиостанции, которая сказала нам с Терри, что отлично знает, как мы, англичане, любим посквернословить и побогохульствовать, когда выступаем по радио, и что она такого не потерпит. (Мы спросили, можно ли будет сказать что-либо о «Провально-Посольной Библии», которую мы упоминали в «Благих знамениях». Женщина ушла посоветоваться с высшей инстанцией, а потом вернулась и сказала, что можно.) Мы с Терри в жизни никогда не богохульствовали во время радиоинтервью, а теперь вдруг испугались и весь эфир только и думали, что вот-вот с нами может случиться что-то вроде приступа синдрома Туретта. Помню, что было уже далеко за полночь, и мы сидели в темной студии. Джо начал принимать вопросы радиослушателей, и один из голосов звучал настолько путано и невнятно, что Джо пришлось с большим тактом прервать звонившего, и мы продолжили беседу.

Допускаю, что мы с Джо уже встречались как-то на обеде, где также был и Харлан Эллисон. Хотя, может быть, это слу-

чилося уже после нашей встречи на радио, но все это не так уж и важно. В этом проклятие всех мемуаров и автобиографий: приходится иметь дело с собственными воспоминаниями, а они могут внезапно оказаться ошибочными и недоверенными, а иногда и вовсе ложными. Тем не менее с этим и приходится работать дальше.

Однажды нам даже удалось поработать вместе. Джо просил меня написать сценарий для его «Вавилона-5» еще до того, как шоу вышло на экран, и после каждого сезона я вынужден был извиняться, потому что был полностью поглощен «Песочным человеком» и «Никогде». А потом, перед наступлением последнего сезона «Вавилона-5», я наконец-то сказал «да», так как к тому времени уже закончил работать над «Песочным человеком» и телесериалом «Никогде». В 1998 году я написал сценарий для эпизода «День мертвых». Надо отдать должное Джо, он оказался самым покладистым и вменяемым исполнительным продюсером на телевидении, с которым я когда-либо работал. Джо сам писал сценарии для всех эпизодов (за исключением моего), он делал это легко и, казалось, без всяких усилий.

В общем, мы с Джо знакомы вот уже около тридцати лет. Со временем цвет его волос стал другим (когда-то давно они были и темнее, и гуще), но в остальном он мало внешне изменился. Для меня он остается все тем же самым ведущим передачи, с которым мы давным-давно встретились поздно вечером в темной радиостудии. Он скромен и добродушен,

он работает так, как никто другой в кино и на телевидении. Это абсолютно нормальный и здравомыслящий человек, он умен и открыт для общения. Узнав все это, вы наверняка приготовились читать автобиографию, по степени нудности сравнимую разве что с договором о страховании, напечатанным мелким шрифтом. Чем больше пороков у людей, тем они интереснее, а их истории становятся куда более захватывающими, когда они сталкиваются с препятствиями.

Если говорить о Джо, то, как только вы начнете читать его книгу, тут же ощутите те давление и силу, которые создали этого отчаянно трудолюбивого и этичного человека. Вы поймете, с чем ему пришлось бороться и как он смог все это выдержать. Супермен, один из героев, вдохновлявших Джо, мог превращать уголь в бриллианты, и я никогда бы не подумал, что нечто подобное может случиться в реальной жизни. Сколько ни тужься и ни дави кусок угля, получишь только пыль, ведь ты не Супермен. Но то давление, которое сопровождало Джо все детство и зрелые годы, то окружение, которое пыталось диктовать ему, что хорошо, а что плохо, — все это дало ему силы выжить и превратиться в настоящего человека. Другие бы давно обратились в угольную пыль, но только не он.

Детство, о котором вы прочитаете в этой книге, можно сравнить с ломом, которым пытаются завести часовой механизм. Оно легко могло уничтожить Джо или превратить его в монстра, но вместо этого даровало ему силу, уверенность

и, что важнее всего, страсть к познанию.

Мы следим за его работой в различных сферах, и всегда, принимаясь за что-то новое, Джо пытается понять, как это устроено, как сделать так, чтобы все шло как надо, как правильно использовать свое воображение и как достичь почти невозможного. Его суперсила заключена в желании познать, в настойчивости и постоянной готовности работать и творить. Он сам стал бриллиантом.

И теперь он готов поделиться с нами своим богатством.

Нил Гейман

Лондон, июнь 2017 года

Глава 1

Нам говорили

Исландия, 14 марта 2014 года.

Еще час назад и на триста метров ниже мы были на узкой дорожке, идущей вверх, сквозь бесконечные гряды черных вулканических скал, поросших зеленым мхом. Было свежо, но не холодно. Мы начали долгий подъем по пологому склону горы, и буквально через несколько минут снег проглотил все вокруг. Черная каменная тропа мгновенно превратилась в полоску белого твердого льда, а потом и вовсе пропала. Мир вокруг потерял границы, а небо – форму, и стало совсем непонятно, откуда светит солнце. Мы почувствовали себя внутри снежного шара, окруженного пустотой.

Наша группа поднялась еще выше, чтобы лучше почувствовать эту белую мглу без конца и начала. Мы – это специалисты по подбору натуры, координаторы съемок, режиссеры, продюсеры, сценаристы, ну и я сам, принадлежащий к двум последним категориям. Нас заранее попросили держаться ближе друг к другу; любой, кто отходил от цепочки людей больше, чем на пять метров, рисковал потеряться навсегда.

Исландия была первым пунктом нашего кругосветного путешествия, в ходе которого нам предстояло найти подхо-

дующее место для съемок сериала «Восьмое чувство». Я придумал сюжет, написал сценарий и вот теперь продюсировал и снимал сериал для Netflix вместе с Ланой и Лилли Вачовски. Впереди нас ожидали Мехико, Сан-Франциско, Сеул, Чикаго, Берлин, Найроби и Лондон.

В истории, благодаря которой мы оказались в Исландии, рассказывалось о молодой женщине, которая родила ребенка посреди замерзшей тундры, вдали от цивилизации. Машина, на которой она ехала, попала в аварию, и в одиночку, пешком, с ребенком на руках ее шансы выжить почти равны нулю. Но женщина не желала сдаваться и упорно продолжала двигаться вперед. Отчаяние и слезы на ледяном ветру. Кровь на снегу.

Мы приехали, чтобы понять, подойдет ли данная гора для съемок, но все выглядело так, будто кто-то незадолго до нашего появления успел вызвать грузчиков и увез ее куда подальше, оставив после себя бесконечную белую мглу.

– Нам нужно уходить с горы до наступления темноты, – сказал специалист по натуре, – пока мы еще в состоянии видеть дорогу.

– К черту дорогу! – ответил кто-то другой. – Надо двигаться, пока мы все еще видим гору.

Залезая в машину, я на секунду замер и снова всмотрелся в эту белую бездонную мглу, владеющую миром в двух тысячах семисот милях от Патерсона в штате Нью-Джерси, где я и начал свой путь.

Мне вдруг пришло в голову – более невероятным, чем то, что я оказался на *этой* дороге, был разве что куда более длинный и темный путь, который *привел* меня туда:

это был путь ошибок и неверных поворотов, трагедий и лжи, умных и неправильных решений... Он был полон секретов о мне самом, моей семье и моем прошлом. Он стал дорóгой, полной страха о том, что обо всем этом может подумать окружающий меня мир.

Шепот моих нерассказанных воспоминаний эхом доносился из пустоты. *Мы знаем, кто ты. Мы знаем, какой ты на самом деле. Можешь дурачить кого угодно, но только не нас. До тех пор пока мы здесь, ты ничего с нами не сделаешь, а это значит, что тебе никогда не бывать свободным.*

Писатели рассказывают истории. Да, именно этим мы и заняты, и это именно то, чем я занимался всю свою жизнь. Но есть у меня одна история, которую я никогда и никому не рассказывал. Молчать о ней меня научили те, кто хотел, чтобы секреты моей семьи так и *остались* навсегда секретами.

Ну что же, есть только один способ избавиться от наших собственных страхов.

Надо заставить себя *сделать* то, что должно.

В ту самую секунду я и решил написать эту книгу и рассказать о секретах моей жизни всему миру. Работа заняла долгих четыре года, ровно столько потребовалось, чтобы раскрыть все тайны моей семьи и наполнить книгу содержанием. Никто не говорил Кларку Кенту, что он инопланетя-

нин, это случилось только тогда, когда он был готов справиться с правдой. Точно так же и мне очень мало рассказывали о прошлом нашей семьи, потому что никто не был до конца уверен в том, что уже прошел срок давности, который касался некоторых историй. Записи, содержавшие данные об истории семьи, уничтожались, чтобы представители целых трех поколений не были уличены в чем-либо компрометирующем.

И только титанические усилия Кларка Кента, репортера крупнейшей газеты, сидевшего внутри меня, помогли мне прорваться сквозь десятилетия удобной лжи и добраться до жестоко охраняемой всеми правды.

Нам говорили, что один из четырех братьев Стражински по имени Казимир, родившийся в Вильнюсе (бывшей провинции России, а теперь столице Литовского государства) в 1880-х годах, путешествовал по всей Европе, представляя деловые интересы семьи, прежде чем уехать попытать счастья в Америке в 1910 году.

Правда обнаружилась гораздо позже и заключалась в том, что Казимир был пьяницей и бабником, который весь третий десяток своей жизни провел в пьяном угаре, разъезжая по четырем странам, в каждой из которых он ловко укладывал женщин в постель, заманивая их враньем о своем богатстве и обещаниями скорой женитьбы. И только когда дело зашло слишком далеко, а его вранье вот-вот должно было всплыть на поверхность, Казимир объявил, что уезжает в Америку,

чего якобы действительно требовал от него семейный бизнес. В то время Америка была страной зажиточных вдов и дебутанток с трастовыми фондами, и Казимир был твердо намерен поработать с максимальным количеством потенциальных источников его благополучия. Вооружившись деньгами, которые семья поручила ему инвестировать в бизнес от их лица, двумя отличными костюмами, старосветским шармом и искусно продуманными сказками о необъятных землях, принадлежащих его семье в далекой России, он ворвался в сексуальную жизнь высшего общества, словно Васко да Гама. И нужна ему была ни много ни мало, а женщина, способная обеспечить ему тот уровень жизни, которого он, по его собственному мнению, был достоин.

И ВОТ, КОГДА КАЗИМИР БЫЛ КАК НИКОГДА БЛИЗОК К СВОЕЙ ЦЕЛИ – ЖЕНЩИНЕ ИЗ БОГАТОЙ СЕМЬИ, КОТОРОЙ ПОНРАВИЛАСЬ ИДЕЯ СЛИЯНИЯ ДВУХ СЕМЕЙНЫХ СОСТОЯНИЙ, – ПРИВЕЗЕННЫЕ ФИНАНСОВЫЕ СРЕДСТВА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ИМ В ЛИЧНЫХ ЦЕЛЯХ, НЕОЖИДАННО ЗАКОНЧИЛИСЬ.

И вот, когда Казимир был как никогда близок к своей цели – женщине из богатой семьи, которой понравилась идея слияния двух семейных состояний, – привезенные финансовые средства, используемые им в личных целях, неожиданно закончились. Но деньги были необходимы как для организа-

ции свадьбы, так и для подтверждения своей принадлежности к элите общества. Поэтому перед завершением сделки Казимир вернулся домой, чтобы высосать из семьи последние ресурсы, оставшиеся после революции в России. Он объяснил, что их первые инвестиции многократно окупились, но финансовые законы в Соединенных Штатах существенно замедляют процесс перевода денег за океан. Казимир уверял, что все эти временные трудности разрешатся, но зато прямо сейчас у него появился шанс совершить сделку века, которая сделает их всех непристойно богатыми. И, пока семейные финансы томятся в американских банках, ему срочно нужны деньги оставшихся членов семьи, чтобы успеть обстрелять это прибыльное дело.

Семья ответила, что ей необходимо подумать и может понадобится время для снятия денег со счетов банков в Пруссии, куда были переведены все финансовые ресурсы незадолго до прихода большевиков.

Нам говорили, что, ожидая семейного решения, Казимир повстречался с девушкой по имени София, влюбился, а потом и женился.

Правда же состояла в том, что Казимир закрутил тайный роман со своей племянницей Софией, дочерью его брата Яна, которая была на восемнадцать лет его моложе.

София давно мечтала стать актрисой в Америке, где она могла бы успешно реализовать все свои многочисленные таланты, незаметные для окружающих, но вполне очевидные

для нее самой. И мало того, что отец не разрешал ей в одиночку эмигрировать в Америку, так он еще и задумал выдать Софию замуж за местного торговца. Казимир казался ей единственной надеждой, и она верила, что его связи и деньги помогут воплотить в жизнь все ее мечты. И наконец, однажды ночью, подогреваемая отчаянием, алчностью и количеством водки, достаточным для отключения клеток мозга, отвечающих за здравый смысл, София сообщила родителям о тайной связи с Казимиром и о том, что она беременна (что оказалось ложью).

Ее твердо верующая католическая семья не могла позволить Софии родить ребенка вне брака. Но, с другой стороны, никто не хотел скандала, а он был неминуем, если бы она вышла замуж за родного дядю. В результате было принято воистину соломонино решение: *Выходи замуж и убирайся к чертовой матери*².

Нам говорили, что краснеющая от смущения невеста уехала с ним в далекие края, и жили они долго и счастливо.

Правда же состояла в том, что сразу после свадьбы Казимир в одиночестве вернулся в Соединенные Штаты якобы для того, чтобы подготовить все к приезду молодой супруги, а потом прислать ей деньги на переезд, как только все будет должным образом устроено. Вместо этого, как только Казимир

² Положительным моментом во всей этой истории было то, что после замужества с братом отца у нее оставалась та же фамилия, так что ей не пришлось переделывать ни одной вещи с монограммой или именными гравировками.

мир снова благополучно ступил на американскую землю, он сразу же пропал, в надежде, что Софии не хватит духу совершить такое длинное и сложное путешествие в одиночку. Но София уже ничего не боялась, она заняла денег на билет и отправилась в Америку.

Здесь она впала в ярость, узнав, что рассказы Казимира о несметных богатствах были ложью. Впрочем, этот гнев компенсировало бешенство, в которое впал сам Казимир, когда понял, что беременность Софии была всего лишь поводом выйти замуж и поскорее покинуть отчий дом.

Находясь в западне взаимной лжи и принадлежа к семье, которая никогда не одобрила бы развод, пара поселилась в маленькой квартире в Патерсоне, штат Нью-Джерси, где жили польские и русские иммигранты. В июле 1927 года София родила сына Джозефа, который умер от пневмонии через три месяца. София так и не смогла оправиться от этой потери и каждый год в день смерти сына оставляла цветы на его могиле.

НАХОДЯСЬ В ЗАПАДНЕ ВЗАИМНОЙ ЛЖИ И ПРИНАДЛЕЖА К СЕМЬЕ, КОТОРАЯ НИКОГДА НЕ ОДОБРИЛА БЫ РАЗВОД, ПАРА ПОСЕЛИЛАСЬ В МАЛЕНЬКОЙ КВАРТИРЕ В ПАТЕРСОНЕ, ШТАТ НЬЮ-ДЖЕРСИ, ГДЕ ЖИЛИ ПОЛЬСКИЕ И РУССКИЕ ИММИГРАНТЫ.

Надо сказать, что София делала все, чтобы эта трагедия не разрушила ее планы стать актрисой. Она спала с режис-

серами, фотографиями, продюсерами и со всеми остальными, кто, с ее точки зрения, мог бы помочь ей начать собственную карьеру. Но все усилия разбивались об одно обстоятельство: у Софии была крупная, мускулистая и тяжелая фигура, типичная для русских женщин, а лицо ее в результате всех бед и невзгод приобрело постоянное выражение недовольства. В конце концов София поняла, что все ее усилия тщетны и бесполезны, и впала в глубокую депрессию. Она часами могла сидеть на верхней ступеньке перед входом в квартиру, поглощая немеренные дозы алкоголя и громко проклиная соседей. Если кто-то вдруг упоминал имя человека, который ей не нравился, она сплевывала на тротуар и растаптывала плевок ногами. Короче, общение с людьми не было ее коньком.

В отличие от Софии, Казимир постепенно превратился в мягкотелое, печальное подобие мужчины. Во время приступов ярости, которым была подвержена София, он находил убежище в одном из местных баров, а потом на цыпочках возвращался домой, но только после того, как его жена отходила ко сну. В свое время всего лишь один шаг отделял его от женитьбы на наследнице из богатой семьи, от успеха и счастливого будущего, которых он, по своему глубокому убеждению, несомненно заслуживал. Теперь же дни и ночи напролет он пребывал в замутненных алкогольным паром мире романтизированных воспоминаний о прошлом, которого не было, и парализованной реальностью, которую был уже не в состоянии контролировать.

ВТОРОГО ОКТЯБРЯ 1929 ГОДА СОФИЯ, КОТОРОЙ БЫЛО ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ, РОДИЛА ВТОРОГО СЫНА, КОТОРОГО НАЗВАЛИ КАЗИМИРОМ, В ЧЕСТЬ ОТЦА. ВПОСЛЕДСТВИИ ИМЯ БЫЛО АМЕРИКАНИЗИРОВАНО И МАЛЬЧИКА СТАЛИ ЗВАТЬ ЧАРЛЬЗОМ.

Второго октября 1929 года София, которой было двадцать пять лет, родила второго сына, которого называли Казимиром, в честь отца. Впоследствии имя было американизировано и мальчика стали звать Чарльзом. Чтобы свести концы с концами, София нашла работу на полставки в таверне на Ривер-стрит. Работа стала для нее гораздо большим, чем возможность отдохнуть от обязанностей жены и матери, это была ее сцена, на которой она чувствовала себя звездой, выступая перед публикой, которая готова была аплодировать чему угодно, если за это давали бесплатный стаканчик выпивки.

Одиннадцатого июля 1931 года в семье родился второй ребенок – Тереза. Дети не привнесли в ее жизнь любви, а стали вечным напоминанием о так и не сбывшихся планах. Гордость не позволяла ей признаться в своем поражении перед родственниками в Восточной Европе, и потому все ее письма были полны выдуманных историй о богатстве и успехах, одна пуще другой, но в какой-то момент семья начала подвергать сомнению их правдивость. Распираемая возмущением и негодованием, словно голубь-дутьш, София объявила, что вместе с детьми отправляется в трехмесячную по-

ездку в Польшу и Россию, чтобы доказать, что она успешная, счастливая и живет в Америке. Из трех пунктов правдой был только один, последний. София опустошила банковский счет Казимира, чтобы купить дорогую одежду, призванную произвести впечатление на родственников, многие из которых пострадали от советской власти. Она хотела спровоцировать их, чтобы они попросили у нее денег, потому что в этом случае она могла бы смело возмутиться и послать их всех к черту. Нужно отдать должное Софии: она отлично планировала все, что намеревалась сделать.

Как только все было готово к поездке, София с детьми приехала в Хобокен, что в Нью-Джерси, взошла на палубу лайнера «Бэтори» и отправилась в свой благотворительный тур по Восточной Европе.

Нам говорили, что по прибытии в польский порт Гдыня София водила детей по музеям и мемориалам Первой мировой войны, обедала в изысканных ресторанах и проводила время в свое удовольствие.

На самом же деле буквально через несколько дней после приезда София начала интрижку с членом польской национальной полиции, офицером, симпатизировавшим идеям Третьего рейха, войска которого только что захватили Чехословакию и были готовы продвигаться дальше на восток. София считала, что успех нацистов будет способствовать процветанию ее нового дружка, а значит, и ее тоже. Чтобы расчистить плацдарм для своей новой жизни, она решила вер-

нуться в Штаты, оставить там детей, а заодно выгрести из банка все, что там осталось, и уже тогда ехать обратно в Польшу.

Первого сентября 1939 года София и дети приехали на вокзал польского города Лодзь, чтобы отправиться в Гдыню, а уже оттуда отплыть в Америку. Но тут помешало одно неприятное обстоятельство: *в этот же самый день* немецкая военная авиация начала блицкриг, целью которого был захват Польши. София и дети всего только и успели занять свои места в вагоне, когда вокзал и пассажирские поезда были атакованы люфтваффе, и началась Вторая мировая война.

Чудом избежав смерти, они втроем бросились в консульство США, но там их и слушать не стали, потому что чемодан со всеми документами, подтверждающими их американское гражданство, был уничтожен во время бомбежки.

Нам говорили, что в то время, когда немецкая пехота и танки продвигались все глубже и глубже по польской территории, София с детьми каким-то невероятным способом умудрилась пройти целых семьсот километров по земле, охваченной войной, и в итоге очутилась на железнодорожной станции городка Богданово в Минском районе Беларуси, где их заставили работать чуть ли не как рабов офицеры немецких железнодорожных войск.

Но правда состояла в том, что София обратилась за помощью к любовнику, который доказал свою лояльность новым властям и переметнулся на сторону немцев. Однако,

несмотря на все его связи, было понятно, что в условиях вторжения все люди, оказавшиеся в зоне боевых действий без документов, подлежали аресту. Поэтому он посадил Софию с детьми на поезд, который шел вглубь захваченной территории, и снабдил письмом на имя начальника местного отделения *Bahnschutzpolizei*, немецкой железнодорожной полиции. Так они оказались в Богданово, где им предоставили еду и удобное жилье в здании вокзала и где София должна была жить и работать в качестве домашней прислуги, повара и помощницы старшего офицерского состава.

Когда любовника Софии убили в одной из местных стычек, которые все еще продолжались по всей Польше, она закрутила сразу несколько романов с немецкими офицерами. По выходным она путешествовала с ними в белорусский город Воложин, который находился на захваченной Германией территории Беларуси. Здесь офицеры покупали Софии подарки и дорогую одежду. Такое сосуществование могло бы показаться достаточно удобным для обеих сторон, если бы не налеты на станцию и на немецких солдат, периодически организуемые Соппротивлением, бойцы которого были весьма хорошими стрелками. Боясь попасть под перекрестный огонь, она убедила некоторых вояк тайно отправить ее письма Казимиру в надежде, что тот поможет ей и детям вернуться домой. Целых *шесть лет* ей пришлось ждать ответа на свои письма. Принимая во внимание все проблемы почтового сообщения в военное время, можно предположить, что

Казимир так и не получил ни одного письма и решил, что она погибла во время блицкрига, и он, слава тебе господи, был наконец-то освобожден от семейных уз. С другой стороны, он мог получить все письма, но проигнорировать их в надежде, что София таки получит свою шальную пулю. Вероятнее всего, если письма и дошли до адресата, они были безнадежно потеряны в результате пьяных битв Казимира с силами гравитации.

Нам говорили, что во время их жизни на станции многие из солдат по-доброму относились к Чарльзу, сыну Софии, и помогли ему пройти путь от мальчика до настоящего мужчины.

На самом же деле Чарльз с восторгом воспринял все нацистское. Объединивший в себе темперамент матери с чувством собственного превосходства и общую для родителей неспособность отвечать за свои действия, он счел философию нацизма вполне подходящей для выражения собственного гнева. Ему пришелся по душе и антисемитизм, приверженцем которого он так и оставался до конца своих дней. Он зачитывался «Майн кампф», фотографировал немецких солдат, курил немецкие сигареты и собрал небольшую коллекцию кинжалов СС.

Солдатам нравились пронацистские настроения Чарльза, они стали воспринимать его как своего парня, подарили ему комплект военной формы со свастикой на рукаве. Он очень гордился этим подарком. Как незадолго до своей смерти в

2009 году вспоминала Тереза, сестра Чарльза, он с готовностью выезжал с солдатами и эсэсовцами в «карательные экспедиции» в ближайшие еврейские гетто и деревни, захваченные немцами.

– Они искали евреев, которые могли оказаться на улице после наступления комендантского часа, и избивали их резиновыми дубинками, словно это была какая-то игра, – вспоминала Тереза. – Он возвращался домой весь в чужой крови, и на следующий день часами отстирывал рубашку и до блеска начищал ботинки, чтобы снова заняться тем, что ему так нравилось.

А в 1942 году случилось нечто настолько ужасное, что в семье никто вообще не говорил об этом десятилетиями.

В семье всегда тщательно утаивалась вся нежелательная информация, и правда о том, что случилось в день, когда Чарльз показал всем свою истинно нацистскую сущность, превратилась в величайший из секретов, в недостижимый Эверест семейных тайн.

Впрочем, подробности того, что случилось в тот день, и детали о том, сколько человек погибло, немного подождут. Эта история – детектив об убийстве, и никто не раскрывает всех деталей преступления в первой же главе.

После капитуляции Германии в 1945 году немецкие покровители Софии бежали от партизан, которым не терпелось свести счеты со своими врагами. Тем не менее они успели помочь Софии и ее детям добраться до Воложина, в котором

все еще было много нацистских приспешников, но вскоре семье пришлось бежать из города, потому что опасались расправы со стороны других беженцев, которые пытались уйти на восток. Несмотря на разрушенные железные дороги, стертые в пыль города и полное отсутствие связи, Софии с детьми удалось добраться до Москвы, где они находились под опекой местного отделения Красного Креста, пока их личности не были официально установлены и подтверждены. Наконец, в июне 1946 года всем троим разрешили отправиться в Одессу, а уже оттуда отплыть домой на судне американского торгового флота «Норман Дж. Коулман».

В СЕМЬЕ ВСЕГДА ТЩАТЕЛЬНО УТАИВАЛАСЬ
ВСЯ НЕЖЕЛАТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ, И
ПРАВДА О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В
ДЕНЬ, КОГДА ЧАРЛЬЗ ПОКАЗАЛ ВСЕМ
СВОЮ ИСТИННО НАЦИСТСКУЮ СУЩНОСТЬ,
ПРЕВРАТИЛАСЬ В ВЕЛИЧАЙШИЙ ИЗ СЕКРЕТОВ,
В НЕДОСЯГАЕМЫЙ ЭВЕРЕСТ СЕМЕЙНЫХ ТАЙН.

Во время путешествия они узнали, что репортеры в Америке горят желанием взять у них интервью о том, как они прожили целых семь лет в оккупации. Ходили слухи о том, что по их истории будет снят фильм и написана книга. Долгие годы София мечтала о том, чтобы оказаться в центре всеобщего внимания, о том, чтобы стать наконец звездой, которую слушали бы все, затаив дыхание. И вот теперь, совершенно неожиданно, дело шло к тому, чего она так хотела.

В течение многих недель они только и делали, что раздавали интервью радиостанциям и газетам, позировали фото-репортерам, рассказывали о перипетиях жизни семьи во время войны, аккуратно переиначивая события и выставя себя в положительном свете. И она, и дети были уверены, что вот-вот к ним придут кинопродюсеры с контрактами и большими деньгами. За обедом они только и спорили о том, кто из кинозвезд должен будет их играть в фильме. София, конечно же, намеревалась сыграть саму себя. В интервью София взывала о помощи несчастным и просила присылать ей деньги, на которые она покупала себе одежду, пребывая в уверенности, что этот денежный поток никогда не иссякнет. Но уставшая от войны публика вскоре потеряла интерес к истории Софии, и в 1947 году телефон в доме замолчал, а все надежды Софии стать звездой в очередной раз испарились. Ей ничего не оставалось делать, кроме как снова сойтись с Казимиром. Собрав все свои деньги, они купили небольшой жилой дом в Патерсоне по адресу Грэм-авеню, 67. В одной квартире жили они сами, а вторую отдали Чарльзу, где он и обитал без всякой платы за жилье. Кроме того, София взяла в лизинг с опцией полного выкупа бар на Ривер-стрит у заболевшего хозяина.

После того как все устроилось, Чарльз поступил в семинарию Святой Девы Марии. Это было единственное учебное заведение, которое согласилось принять его без диплома о школьном образовании или хотя бы четких моральных

установок. Чарльз твердо верил, что в этом мире лучше всего быть жуликоватым священником со свободным доступом к церковным деньгам и множеству дамочек, желающих побаловаться с симпатичным молодым пастырем с драматическим военным прошлым. Но в конце первого семестра его выгнали из семинарии за пьянство, и, не имея другого выбора, Чарльз начал работать в баре у Софии. То унижение и даже падение стандартов, которое требуется для принятия подобного решения, наглядно доказывает, что Бог все-таки есть на свете, что само по себе является серьезным достижением для семинариста-первокурсника.

Как и София, Чарльз воспринимал бар как место для воплощения своих идей и возможностей. Он держал заведение открытым до поздней ночи и щедро делился бесплатным пойлом со своими друзьями, периодически залезая в кассу бара, чтобы заплатить за дорогой одеколон, одежду и протитутток.

Удивительно, что, несмотря на всю происходящую дребедень, бар приносил хороший доход, что позволило Софии внести первый взнос за покупку дома по адресу Дакота-стрит, 275, с прилегающим к нему земельным участком, вполне подходящим для выращивания подсолнухов, овощей и малины. Ягоды она добавляла в убийственный по вкусу и крепости самогон, который гнала из картошки.

Жизнь в новом доме совсем не радовала Казимира. Потеряв все надежды и тоскуя по родине, он нанял местного ху-

дожника Виктора Рафаэля Рахвальского для написания двух фресок в гостиной: одна изображала его идеализированные воспоминания о России, а вторая была посвящена дню его приезда в Соединенные Штаты, когда он еще был полон надежд и оптимизма. Виктор был на два года моложе Софии, он был спокойным, мягким, обладал свойственной художникам чувствительностью, что София находила весьма привлекательным. Благодаря свободным представлениям о супружеской верности, София вскоре закрутила роман с Виктором. И это было самое лучшее, что когда-либо с ней случилось. Виктор благотворно воздействовал на самые худшие черты ее характера, а Софии нравилось, что рядом с ней был кто-то творческий и чувствительный.

Когда домовладелец, у которого Виктор снимал жилье, резко поднял квартирную плату, София убедила Казимира разрешить художнику арендовать цокольный этаж.

Это упростило любовные отношения, но усложнило попытки сохранить все в тайне, и когда Казимир узнал всю правду, он незамедлительно собрал свои вещи и уехал в Лос-Анджелес, как можно дальше от супруги, благодаря чему София и Виктор теперь могли жить вместе, однако ради соблюдения формальных приличий Виктор продолжал занимать квартиру на цокольном этаже, где он оборудовал студию.

Не научившись ничему путному, Чарльз пошел на службу в ВВС. В 1948 году он проходил обучение на офицера военной полиции в Кэмп-Гордоне, штат Джорджия.

Ему нравилось командовать другими и наказывать тех, кто отказывался ему подчиняться, но лично мне кажется, что Чарльзу просто нравились нарукавные повязки. Он переезжал с базы на базу в составе Пятой комендатуры военной полиции, пока не обосновался окончательно на базе ВВС Фэрфилд-Суисан в Калифорнии, где вскоре стал завсегдатаем публичных домов в Вальехо и Бенишии.

В некоторых борделях работали малолетние проститутки, и четырнадцатилетняя Эвелин Долорес Пейт была одной из них. Чарльз начал встречаться с ней, и не только в борделе. Эвелин всегда выглядела старше своего возраста, у нее были пышные волосы с перманентной завивкой и круглое лицо, которое никогда не теряло своей детской припухлости. Ее карие глаза, слишком близко посаженные, создавали впечатление, будто она постоянно на что-то косится. Их отношения были построены на грубой эксплуатации, силе и садистских наклонностях Чарльза: он обожал причинять боль тем, кто не мог себя защитить.

В НЕКОТОРЫХ БОРДЕЛЯХ РАБОТАЛИ
МАЛОЛЕТНИЕ ПРОСТИТУТКИ, И
ЧЕТЫРНАДЦАТИЛЕТНЯЯ ЭВЕЛИН ДОЛОРЕС
ПЕЙТ БЫЛА ОДНОЙ ИЗ НИХ. ЧАРЛЬЗ НАЧАЛ
ВСТРЕЧАТЬСЯ С НЕЙ, И НЕ ТОЛЬКО В БОРДЕЛЕ.

Когда пьяное насилие переходило все границы, Эвелин пряталась в Вальехо, в трейлере, в котором жила ее мать Грейс Росс. Но каждый раз она возвращалась, поверив в обе-

щания денег, подарков и хорошего поведения. Когда Эвелин забеременела, Грейс объявила Чарльзу, что если он не женится, то она расскажет всю правду о нем командиру базы. Мысли о военном трибунале помогли Чарльзу принять правильное решение, и пятнадцатого марта 1951 года они с Эвелин поженились в городе Рино, в Неваде. Эвелин было всего пятнадцать лет.

Через шесть месяцев Чарльз узнал, что его планируют отправить на войну в Корею, и решил, что это отличный момент, чтобы послать военную службу ко всем чертям и убраться вон из ВВС. Существует несколько историй о том, как он это провернул: по одной версии он переоделся в женское платье и дал себя поймать, а по другой – открыл огонь по марсианам, когда стоял на страже, охраняя атомную бомбу. Но, поскольку Чарльз всегда был закоренелым лжецом, установить истину не представляется возможным. Так или иначе, 17 октября 1951 года он был уволен из рядов ВВС на общих основаниях. Видимо, командование не сочло нарушение *настолько* тяжким, чтобы уволить его за недостойное поведение, с лишением всех прав и привилегий.

Вместе с Эвелин Чарльз вернулся в квартиру на Грэм-авеню на время поисков работы. Как правило, все поиски заканчивались в одном из баров, где он напивался, а потом возвращался домой, где избивал и насиловал жену. В результате Эвелин потеряла ребенка. Выздоровев, она несколько раз пыталась убежать, но Чарльз каждый раз силой возвращал ее

домой. Чтобы предотвратить попытки побега, он запирали ее в квартире, в спальне, где наглухо заколотил все окна. Однажды ночью, после очередных жестоких побоев и изнасилования, Эвелин умудрилась затащить в спальню телефон как раз перед тем, как Чарльз должен был ее запереть, спрятав длинный провод за комодом и молясь, чтобы Чарльз этого не заметил. Утром, когда он ушел, она позвонила матери и сказала, что Чарльз пригрозил убить ее, как только вернется домой. В страхе за свою дочь Грейс убедила полицию войти в квартиру и сопроводить Эвелин до вокзала, к первому поезду, идущему в Калифорнию. Все события, имеющие отношение к ее побегу, наилучшим образом описаны в материалах Верховного суда штата Калифорния от 30 сентября 1952 года.

«...после вышеупомянутой свадьбы и до момента достижения данным ребенком³ шестнадцати (16) лет, то есть в апреле и мае 1951 года, данный ребенок подвергался насилию со стороны обвиняемого и совершил попытку расстаться с обвиняемым, выразив тем самым намерение закончить супружеские отношения. Обвиняемый угрожал данному ребенку побоями, телесными повреждениями и даже убийством, в случае если она (ребенок) его покинет. Ребенок постоянно боялся за свою жизнь, поскольку обвиняемый неоднократно наносил побои, что составляло постоянную угрозу

³ В материалах суда Эвелин упоминается как «ребенок», так как по закону на то время она считалась несовершеннолетней.

жизни ребенка. Данное насилие вынуждало ребенка продолжить сожителство с обвиняемым вопреки воле указанного ребенка с сохранением отношений жены и мужа. Приблизительно 11 августа 1952 года ребенок прекратил совместное проживание с обвиняемым и прекратил супружеские отношения с обвиняемым в качестве его жены. Обвиняемый продолжает угрожать здоровью и жизни ребенка и истцу путем угроз нанесения серьезных телесных повреждений».

Рассмотрев фотографии, свидетельствовавшие о побоях, суд аннулировал женитьбу и запретил Чарльзу находиться на территории штата Калифорния с целью возвращения себе бывшей жены. Почувствовав себя в безопасности, Эвелин вернулась на работу в бордель города Вальехо. Однако, с точки зрения Чарльза, Эвелин была его *собственностью*, а он всегда возвращал себе то, что принадлежало ему лично. Поэтому, когда Чарльз узнал, что Эвелин переехала на работу в публичный дом в Сиэтле, в штате Вашингтон, а значит, больше не находилась под юрисдикцией штата Калифорния, он подкупил другую проститутку, чтобы та выманила Эвелин из публичного дома под предлогом встречи с богатым клиентом.

Как только она появилась в указанном месте, Чарльз избил ее и увез в Нью-Джерси, сказав, что если она еще хоть раз попытается сбежать, то убьет *и* ее, *и* ее мать.

ОДНАКО, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЧАРЛЬЗА, ЭВЕЛИН
БЫЛА ЕГО СОБСТВЕННОСТЬЮ, А ОН ВСЕГДА

ВОЗВРАЩАЛ СЕБЕ ТО, ЧТО ПРИНАДЛЕЖАЛО ЕМУ ЛИЧНО.

Частью нового унижения было то, что Чарльз не женился на ней снова. И это было частью тщательно продуманного плана, потому что в этом случае суд отверг бы все ее жалобы и обвинения. У Эвелин не будет доступа ни к банковским счетам Чарльза, ни к его имуществу, а любая собственность, оформленная на имя Эвелин Стражински, могла бы стать свидетельством ее мошенничества. Чарльз крепко затянул петлю на ее шее.

Вскоре после этих событий Эвелин обнаружила, что снова забеременела и 17 июля 1954 года родила сына. После соответствующих подсчетов Чарльз пришел к выводу, что ребенок был зачат или когда Эвелин работала проституткой, или чуть позже.

«Я даже не знаю, мой ли ты сын или нет», – Чарльз часто повторял эту фразу долгие годы, и его сомнения и подозрения достигли кульминации в двух письмах, отправленных им в 2003 году. В одном письме он требовал, чтобы его сын прошел тест ДНК, потому что он «был зачат в борделе, в Сиэтле, в штате Вашингтон, где работала твоя мать, от сутенера, с которым она спала, или от одного из клиентов сутенера. Она забыла фамилию сутенера и, конечно же, не знала имен его клиентов». Чарльз писал, что при некоторых обстоятельствах его сын «мог бы родиться чернокожим. После того как она (твоя мать) посмотрела на твои фотографии в

интернете, она согласилась, что ты совсем на меня не похож, а кто может понимать это лучше, чем мать». Его целью было добиться того, чтобы его так называемый сын «не смог наследовать любое мое имущество, потому что я не являюсь твоим отцом».

Второе письмо по поводу сложившейся ситуации написала сама Эвелин. «В возрасте 17 лет я была в Сиэтле, штат Вашингтон, и, к несчастью, получилось так, что я стала проституткой в публичном доме... Я не могу быть уверенной в том, что ты родился через восемь или девять месяцев».

Ты был зачат в борделе.

И это был я.

Как вам *такая* «Тайна происхождения»?

Глава 2

Странные отношения

Вместо того чтобы заниматься новорожденным сыном, мой отец почти все свое время проводил в «охоте на геев»: он заманивал геев в укромные места и там жестоко их избивал. В результате Эвелин проводила все свое время наедине с Софией, которая открыто презирала ее. В скором времени Эвелин впала в глубокую послеродовую депрессию, которая еще более усугубилась ее полной изоляцией от внешнего мира и почти полным отсутствием какого-либо опыта в уходе за маленькими детьми.

Как мне рассказывала сама Эвелин, в младенчестве у меня был довольно приплюснутый нос, и она боялась, что мой отец обвинит ее в том, что она зачала меня во время секса с темнокожим клиентом. Поэтому она начала периодически сдавливать мой нос так сильно, как только могла, стараясь придать ему другую форму, и совершенно не осознавала, что носы растут по другим правилам. Я был еще ребенком, когда эта история показалась мне довольно странной, но я поверил в нее сразу, потому что у меня не было каких-либо других объяснений тому, почему я до сих пор постоянно чихаю и сморкаюсь.

Правда же состояла в том, что, по словам Софии и моей

тетки Терезы, вся вышеописанная история о моем носе служила для Эвелин отговоркой. Как-то раз тетка застала Эвелин в момент, когда она сжимала мой нос одной рукой, а другой плотно и крепко закрывала мне рот. Она так сильно сдавливала мою носоглотку, пытаясь перекрыть доступ воздуха в легкие, что повредила тонкие носовые перегородки, что привело к хроническим проблемам.

Предположение первое: моя мать искренне верила, что тем самым сможет исправить форму моего носа.

Предположение второе: она пыталась задушить меня.

Второе предположение могло бы показаться совершенно фантастическим, если бы не то, что случилось позже.

Когда Эвелин снова забеременела, к ней вернулась депрессия, теперь уже усугубившаяся резкими перепадами настроения. Рыдая от ярости, она повторяла, что не хочет снова быть беременной, не хочет еще одного ребенка, да и вообще *не хочет* иметь детей. София и моя тетка старались не оставлять ее одну, так как всерьез беспокоились, что она может нанести мне вред или попытается сделать себе аборт самостоятельно. София даже забирала нас с собой, когда работала в баре, и усаживала меня на бильярдный стол, а то и просто на пол, где я и ползал, почти голый, по лужам пролитого алкоголя.

После того как Эвелин родила девочку, которую называли Вики, депрессия усугубилась, у нее начались жуткие вспышки ярости. Спустя всего пару недель Вики неожиданно умер-

ла. Много позже я спрашивал отца о том, что произошло, но он коротко бросал одно и то же: «Синдром внезапной детской смерти. Асфиксия».

Никто из членов семьи никогда напрямую не говорил мне: *в смерти Вики виновата твоя мать...* Я знаю только о слухах, которые преследовали Эвелин всю ее жизнь, о том, что она пыталась сделать со мной, и что ей, возможно, удалось сделать с Вики. Несколько раз я слышал, как София вспоминала, что Чарльз обещал сдать Эвелин в полицию за то, что она сделала с Вики, если она снова попытается сбежать. На тот момент Эвелин уже хорошо знала, на что способен отец и что он будет *продолжать* делать. Я не могу представить себе никакой другой причины, которая бы вынудила ее остаться в Патерсоне в качестве его личной пожизненной боксерской груши, кроме первобытного неприкрытого страха перед подобным обвинением. Этот страх дал моему отцу полный контроль над Эвелин. Он искренне считал, что этот террор был справедливым наказанием и обменом за смерть Вики. Ему было совершенно плевать на всех собственных детей, они были для него не более чем нужные в жизни вещи, такие как одежда или машина. Мы служили всего лишь декорациями для его образа успешного семьянина.

Ну и, в конце концов, она всегда могла родить ему других детей.

Не имея возможности сбежать от все более жестокого, садистского насилия со стороны моего отца, Эвелин впервые

попыталась покончить с собой. В наказание за этот акт неповиновения отец сдал ее в психиатрическую клинику, куда сдавал ее раз за разом на протяжении года⁴. *«Пусть кто-нибудь другой побеспокоится о ее капризах»*, – так он тогда сказал. Для него такая ситуация была идеальной. Эвелин держали в заточении ровно столько, сколько хотел этого Чарльз, и это давало ему возможность спать с другими женщинами.

НЕ ИМЕЯ ВОЗМОЖНОСТИ СБЕЖАТЬ ОТ ВСЕ БОЛЕЕ ЖЕСТОКОГО, САДИСТСКОГО НАСИЛИЯ СО СТОРОНЫ МОЕГО ОТЦА, ЭВЕЛИН ВПЕРВЫЕ ПОПЫТАЛАСЬ ПОКОНЧИТЬ С СОБОЙ.

Отсутствие Эвелин позволяло ему выставять себя в качестве преуспевающего, ничем неотягощенного и свободного от обязательств мужчины, что повышало его шансы на успех. Дети в этом представлении были лишним элементом, поэтому меня отправили жить к бабушке.

От меня скрывали почти все, что было связано с пребыванием матери в психиатрической клинике. София игнорировала мои расспросы о том, где мать. Она попросту запирала меня в спальне наверху и не выпускала, пока я не прекращал спрашивать. Однажды, устав со мной бороться, она приказала Чарльзу отвезти меня туда, где я мог бы наконец-то уви-

⁴ В общей сложности мать попадала в психиатрическую клинику пять раз. Три раза ее сдавал туда отец, а два раза она шла туда сама. Об этом свидетельствуют судебные документы. В периоды госпитализации она неоднократно подвергалась электрошоковой терапии.

деть мать.

Мой отец всегда старался произвести положительное впечатление на окружающих, он редко выходил из дома без галстука, пиджака и накрахмаленной белой рубашки. При своем низком росте он весил около девяноста килограммов и частенько пользовался своими габаритами, чтобы запугать тех, кого недостаточно впечатлял его рост. Так и в тот раз отец неторопливо оделся, причесал и на помадил свои черные волосы, и мы отправились на машине через весь город. Я смотрел вперед, через ветровое стекло, и мои глаза слезились от резкого запаха его одеколона.

ОТ МЕНЯ СКРЫВАЛИ ПОЧТИ ВСЕ, ЧТО
БЫЛО СВЯЗАНО С ПРЕБЫВАНИЕМ МАТЕРИ В
ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ КЛИНИКЕ.

Когда мы приехали, отец показал рукой на зарешеченное окно на верхнем этаже простенького беленого здания, стоявшего на противоположной стороне улицы.

«Она вон там», – сказал он. За мутным стеклом окна я смог увидеть лишь силуэт кого-то, махавшего мне рукой. Я спросил, почему мы не можем зайти внутрь и повидать маму.

– Тебя не пустят, – сказал отец.

– Почему? Что это за место?

– Психушка. Она сумасшедшая, – только и ответил он.

Жить с бабушкой было гораздо лучше, чем с отцом, но и в этом были свои недостатки. София воспитывалась в деревне в Восточной Европе и на кухне предпочитала исполь-

зовать такие части цыплят, коров, овец и ягнят, до которых и на спор бы не дотронулся ни один американец. Такими частями были голени, голяшки, хрящи, потроха, вымя и мозги. Особенно ценилась требуха, которая стоила гроши. Ее гордостью и основным блюдом любого застолья был студень, сваренный из свиных ножек и еще неизвестно чего. Все это праздничным тортом громоздилось на большом блюде, подрагивало серой желатиновой массой и имело вкус и консистенцию хряща куриной ноги, оставленной под дождем на несколько недель. Студень подавался с настолько ядреным хреном, что он временно убивал вкусовые рецепторы, чтобы вас не стошнило тем, что вы только что съели.

Несмотря на то что София уже давно жила в Америке, среди магазинов, полных свежих продуктов, она, как и многие другие выходцы из Старого Света, считала, что если мясо выглядит слишком свежим, то это мясо животного, умершего естественной смертью. Поэтому она всегда торговалась с мясниками и ругалась с ними, если они пытались выбросить то, что, по их мнению, не могло быть использовано в качестве еды. Если зелень гниения могла быть счищена с мяса, то это значило, что мясо достаточно хорошо, чтобы быть съеденным. Если же это представлялось невозможным и зелень не исчезала, бабушка просто пускала мясо на фарш для сосисок.

Колбаски были решением любого вопроса о еде. Бабушка сидела за столом с привинченной к нему мясорубкой, кури-

ла, пила и засовывала в агрегат кусочки мяса, которые были слишком тухлыми для другой ее стряпни, и даже не замечала, что в мясорубку попадает и пепел от сигарет. Продукция затем проваривалась минимум в течение часа, обеспечивая уничтожение микробов, бактерий и неприятных запахов. Ее логика была понятна: если вы точно знаете, откуда мясо, то вы бы хотели насладиться и его запахом. Но если происхождение мяса неизвестно, то в этом случае чем меньше вы чувствуете вкус и запах, тем лучше, потому что кусок мяса с характерным запахом может убить вас на месте.

Когда бабушка уставала от того, что я вечно болтался у нее под ногами, она отправляла меня к тете Терезе и ее мужу, Теду Скибицки. Тетя была худощавой женщиной с короткими темными, завитыми химией волосами и острыми чертами лица. Она носила очки с толстыми стеклами и говорила с ярко выраженным акцентом жителя Нью-Джерси. Когда она нервничала, то всегда покашливала, словно пытаясь прочистить горло, и я каким-то образом унаследовал у нее эту привычку. Она была единственным относительно психически нормальным человеком в клане Стражински, даже несмотря на ее утверждение о том, что ее собака умела говорить⁵.

Тетя Тереза любила выпить, но в меру, и когда София и

⁵ Однажды я спросил, как и почему она начала разговаривать со своей собакой. «Я знаю о твоём отце такое, что могу рассказать об этом только собаке», – ответила она. Этот странный ответ будет важен позднее.

Чарльз начинали буйно себя вести, она обычно отступала и превращалась в тихого и полусонного свидетеля их споров.

Ее муж Тед работал строительным подрядчиком-фрилансером. Он был по-настоящему хорошим человеком, явно сбитым с толку грубым и психопатическим поведением представителей семьи его супруги, и всегда тепло принимал меня в доме, который построил на Хейлдон-авеню. Он очень любил Терезу и, в отличие от членов нашей семьи, которым были неизвестны подобные проявления нежности, часто усаживал жену на колени, обнимал ее и оказывал разнообразные знаки внимания. Младший брат Теда, которого звали Фрэнк, был еще одним частым гостем в доме. В возрасте пяти лет он потерял ногу во время бомбежки Франкфурта союзниками. У братьев были одинаковые прически в стиле «утиный хвост», и они также одинаково выступали за стабильность и полезность усердного труда, что резко контрастировало с ложью, вороватостью и ленью, которые исповедовали Стражински.

По мере приближения дня выписки матери из больницы эскапады отца становились все агрессивнее и наглее, он даже несколько раз приводил проституток в квартиру на Грэм-авеню. Однажды вечером София высказала ему все, что думала по этому поводу, а в ответ он ударил ее, и это стало его большой ошибкой. Глаза Софии округлились от злости, и она так сильно врезала Чарльзу по лицу, что у того пошла кровь. После этого она буквально вышвырнула его из дома,

а следом полетели все его вещи.

На следующий день Чарльз занял у Теда денег и снял небольшую квартиру на Ван-Хутен-стрит, в паре кварталов от Грэм-авеню. Несмотря на множество семейных скандалов и связанных с ними переездов, все драматические события происходили в районе радиусом не более двух миль.

После выписки Эвелин врачи посоветовали не приводить меня сразу домой, а немного подождать, но Тереза втайне от всех приводила меня, когда отца не было дома.

Мать обычно сидела у окна, накачанная всевозможными лекарствами, мигала под прямыми лучами солнца и поднимала брови, как будто забыла что-то, о чем хотела сказать секунду назад. Она почти не обращала внимания на меня, но я неожиданно обнаружил, что, когда я приносил с собой и давал ей соседского котика, ее лицо смягчалось, и она начинала его гладить.

Однажды, когда она гладила кота, ее рука случайно коснулась моей. Это был единственный случай в жизни, который я помню, когда она с лаской бы ко мне прикоснулась. Каждый раз я старался удержать кота на руках как можно дольше, даже когда он начинал сопротивляться и царапать мне руки. Я поворачивал руки так, чтобы мамины руки касались моих.

Конечно же, я понимал, что мать пыталась приласкать кота, а вовсе не меня. Но в такие моменты мне было достаточно и этого.

Я не помню точно, когда это случилось, но однажды я про-

сто осознал, что на цокольном этаже в доме Софии кто-то живет. Это был Виктор Рафаэль Рахвальски (я звал его пан Рафаэль, причем слово «пан» использовалось в уважительном смысле, вместо слова «мистер»), тот самый художник, который стал любовником Софии несколько лет назад. Мне было строго сказано не беспокоить его, но я часто пробирался к нему в студию и наблюдал за тем, как он рисует. В основном пан Рафаэль работал на заказ и рисовал пейзажи и изредка портреты. Я тихо сидел на ступеньках, ведущих вниз, в студию, и быстро убегал вверх, если мне казалось, что художник смотрит в мою сторону. Я боялся, что меня накажут.

В конце концов Рафаэль предложил сделку: я должен был притворяться, что меня в студии не было, и тогда он будет притворяться, что меня не видит. На том мы и порешили, и я часами следил за его работой под музыку биг-бэндов, звучащую с пластинок его фонографа со скоростью 78 оборотов в минуту.

В конце рабочего дня он принимал душ, освобождаясь от резкого запаха красок, и мы выходили на задний двор, где стояла моя голубая педальная машина, которую он же и подарил мне на Рождество. К переднему бамперу была привязана веревка, за которую он тащил и машину, и меня на угол улицы, где продавали мороженое. По дороге он останавливался и разговаривал с прохожими, которые были явно рады переброситься с ним парой словечек. Вы могли бы сутками катать ребенка в педальной машине вверх и вниз по Дакот-

та-стрит, но так и не встретили бы ни одного человека, способного сказать хоть что-то хорошее о семье Стражински, а вот пана Рафаэля любили все.

В КОНЦЕ КОНЦОВ РАФАЭЛЬ ПРЕДЛОЖИЛ СДЕЛКУ: Я ДОЛЖЕН БЫЛ ПРИТВОРЯТЬСЯ, ЧТО МЕНЯ В СТУДИИ НЕ БЫЛО, И ТОГДА ОН БУДЕТ ПРИТВОРЯТЬСЯ, ЧТО МЕНЯ НЕ ВИДИТ.

Могу припомнить два случая, характеризующих этого человека.

На каждую Пасху в доме Софии собиралось огромное количество людей. Это были члены нашей семьи, друзья и еще бог знает кто. Все приходили на праздничный ужин. Меню состояло из индейки, ветчины, ростбифа, пирогов, голубцов, квашеной капусты, виски, вина, пива, четырех видов хлеба, большого кувшина со свежим малиновым самогоном, а также фирменных колбасок Софии и много чего другого, что этот доктор Франкенштейн готовил из оставшейся после опытов мертвечины.

В нашей семье рано привыкали к крепким спиртным напиткам, и даже мне, четырехлетнему мальчишке, всегда ставили рюмку для водки. Во время тостов в рюмку наливали немного водки и велели выпивать до дна. Все вокруг начинали смеяться, когда я с гримасой на лице принимался кашлять, стараясь освободиться от огня, обжигавшего мне глотку. Я не мог отказаться, это было бы расценено как неуважение к пьющим. Единственное, что я мог сделать, — так это

выплеснуть или выплюнуть водку, когда никто на меня не смотрел. Я делал это вовсе не из моральных соображений, я был еще слишком мал для подобных размышлений, мне просто не нравился вкус. Но в тот вечер отец заметил, как я выплевываю эту отвратительную жидкость, и не на шутку разозлился. Он сказал, что я порчу хорошую водку и пытаюсь показать, что я не такой, как все остальные в семье. После этого он произнес еще один тост, и на этот чертов раз я должен был выпить вместе со всеми.

В тот момент, когда я покорно протянул руку за рюмкой, пан Рафаэль поднял свой фотоаппарат и сделал снимок. Не могу сказать, что я специально искал его помощи, но натренированный глаз художника быстро оценил ситуацию, и уже во время следующего тоста он сам вызвался налить водку в мою рюмку, а налив, передал ее мне таким резким движением, что все содержимое выплеснулось. Он не выдал меня и как бы стал соучастником, а я в кои-то веки нашел себе союзника.

В ту зиму пан Рафаэль получил самый крупный заказ в своей жизни. Его попросили написать картину на основе фотографий дома заказчика. Это был родовой дом в Польше, который был разрушен во время войны. Художник работал более месяца, тщательно выписывая каждый листик, каждую ветку и каждый кирпич. Затаив дыхание, я сидел на лестнице и наблюдал за его работой. Я никогда не видел его таким гордым, как после того, как он сделал тогда последний ма-

зок. Горя нетерпением показать полотно Софии, он пробежал мимо меня по лестнице, чтобы позвать ее вниз, в студию.

И тут к полотну подошел я. Картина была прекрасна, лучшая из тех, что он создал. Рафаэль имел полное право гордиться своей работой.

Но, подойдя поближе, я понял, что на картине не хватает чего-то важного.

Кошка! Вот чего там так не хватало.

Не раздумывая, я взялся за кисть, окунул ее в черную краску и нарисовал большую черную кошку прямо в центре полотна. Я едва успел закончить, когда услышал шаги пана Рафаэля и Софии, спускавшихся по лестнице.

Я обернулся и гордо застыл рядом с картиной. Когда бабушка увидела то, что я сделал, она побледнела так, что стала похожа на мертвеца из морга, но только для того, чтобы побагроветь еще больше от подступавшей ярости. На меня обрушились самые отборные ругательства на трех языках, а затем она стала медленно приближаться ко мне, и в глазах ее застыло желание разорвать меня на очень мелкие кусочки.

Пан Рафаэль остановил ее. Не говоря ни слова, он подошел к картине и внимательно изучил мое художество сначала с одной стороны, а потом с другой, со стороны лучей света.

– Неплохо, – сказал он. – Понятно, что, с его точки зрения, здесь не хватает кошки, и ты знаешь, а он ведь прав.

Пан Рафаэль снял картину с мольберта и поставил ее на пол.

– Эту копию я оставлю себе, – пояснил он. – Эта работа теперь слишком хороша, чтобы отдать ее кому-то.

Я повешу ее на стену, чтобы смотреть на нее каждый день.

Затем он повернулся и потрепал меня по волосам.

– А для клиента я напишу другую.

С этими словами он вытащил чистое полотно, установил его на мольберт и все начал заново.

Вечером того же дня, как ни в чем не бывало, он посадил меня в мою голубую педальную машину, и мы прогулялись до угла, где и съели по порции мороженого.

ПАН РАФАЭЛЬ ПОКАЗАЛ МНЕ – И Я ПОНЯЛ ЭТО ЧИСТО НА ИНТУИТИВНОМ УРОВНЕ, – КАК ДОЛЖНЫ ВЕСТИ СЕБЯ ВЗРОСЛЫЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К ДЕТАМ.

Те памятные моменты жизни остались со мной как великопепные примеры того, что значит быть человеком.

Пан Рафаэль показал мне – и я понял это чисто на интуитивном уровне, – как *должны* вести себя взрослые по отношению к детям. Сострадание, любовь и терпение должны были наполнять каждый день жизни вместо страшных кошмаров и отношения типа «*Ты здесь никому не нужен*». Увы, в моем случае этого было слишком мало, да и слишком поздно.

В первые несколько лет жизни ребенка для него очень важно установить эмоциональную привязанность с кем-то, к

кому всегда можно обратиться за помощью и защитой. В этот ключевой период моего детства мне пришлось выживать в окружении далекой от моих переживаний бабушки, опасного для меня собственного отца и матери, которую я не видел в течение года, поскольку она пребывала в ужасной депрессии в больнице. Я не мог чувствовать себя ребенком, у меня не было места, где я чувствовал бы себя в *безопасности*. Мои ранние воспоминания полны деталей, потому что обстановка вокруг меня постоянно менялась. Я был вынужден стать супербдительным и полагающимся только на себя, дотошно отмечающим все, что происходит вокруг, и изучающим правила, которые позволили бы мне адаптироваться к изменениям, которые происходили в моей жизни каждую неделю.

В нормальных условиях каждый ребенок знает, к кому и куда бежать, если он упал или поранился. Должен быть хотя бы один человек, способный пожалеть и утешить. Я же никогда не плакал, когда было больно, потому что в лучшем случае на меня не обратили бы внимания, а в худшем у меня бы появились проблемы похуже ссадины на коленке. Я научился оценивать ситуацию и принимать решения без помощи других. Говорить или делать что-либо в откровенно враждебной обстановке означало для меня только ухудшение ситуации, дополнительные издевательства и наказания, и шаг за шагом я приблизился к состоянию, когда полностью замкнулся в себе и не говорил вообще ничего. Я проводил многие часы, не говоря ни слова, и люди даже забывали, что я нахожусь с

ними в одной комнате. Когда мне нужно было сказать что-то, то я говорил скорее как взрослый, а не как ребенок; я оставался эмоционально отстраненным от всех вокруг.

В наше время это состояние называется ингибированной версией реактивного расстройства привязанностей (РРП). Добавьте к этому посттравматическое стрессовое расстройство, спровоцированное этими и последующими случаями, плюс немного синдрома Аспергера, и в результате получим мою пожизненную неспособность создавать стабильные отношения, выражать собственные чувства и чувствовать близость с людьми на самом базовом, эмоциональном уровне. Самым сложным в данном уравнении было то, что я всегда прекрасно осознавал наличие этих ограничений.

Многие из тех, кто страдает от расстройств подобного рода, находятся так глубоко внутри себя, что даже не понимают, что они теряют. Я же всегда чувствовал дистанцию между собой и другими людьми, как будто я глядел на них через прутья клетки, которую видел только сам. Я рос и смотрел на то, как люди общаются, как они ходят за ручку, обнимаются, смеются и радуются вместе, и мне отчаянно хотелось хотя бы на секундочку почувствовать такую же свободу отношений.

Но этого так и не произошло.

То, что мне не позволяли общаться с детьми моего возраста, тоже сыграло свою роль. Моя бабушка терпеть не могла детей в своем доме, а сам я не мог найти себе друзей, потому что она вечно ругалась с соседями, и мне не разреша-

лось навещать вражеские тылы.

Поэтому, когда я вдруг *оказывался* среди других детей, они казались мне какими-то инопланетными созданиями, и они, возможно, испытывали то же самое по отношению ко мне.

История, которая закрепила меня в пожизненной эмоциональной изоляции от всего остального мира, приключилась со мной в детстве. Это был тот самый пресловутый определяющий момент, когда я осознал, что не могу доверять в этой жизни никому. Моя мать снова забеременела в 1960 году. Как и раньше, она впала в глубокую депрессию и целыми днями оставалась в кровати, спала, рыдала или молча лежала, зло уставившись в потолок. После рождения моей сестры Терезы ее состояние окончательно усугубилось. В результате София и моя тетка всегда находились рядом и следили за тем, чтобы с девочкой ничего не случилось. К несчастью, это привело к тому, что все совсем забыли обо мне. Однажды сломалась наша стиральная машина, и никто не обратил внимания на то, что Эвелин собрала в сумку грязные пеленки и взяла меня с собой в прачечную, которая находилась в соседнем здании.

После того как пеленки были постираны, мы с матерью поднялись по лестнице на крышу этого трехэтажного здания, где между телефонными столбами были натянуты веревки для развешивания белья. Мать выглядела нервной, возбужденной, она то начинала плакать, то вдруг злилась на что-

то, вешала пеленки или вдруг срывала их и начинала махать ими, словно била кого-то по лицу, двигаясь все быстрее и быстрее, словно отбиваясь от того, что причиняло ей боль и мучения. Затем она вдруг успокоилась и стала пристально смотреть куда-то вдаль, словно человек, который принял какое-то важное решение.

– Смотри, там птицы, – сказала она, показывая рукой на деревья за домом.

Я повернулся посмотреть, но никаких птиц не увидел, но тут же почувствовал, как она обхватила меня руками сзади и подняла вверх. В какое-то мгновение я подумал, что она хочет помочь мне увидеть птиц или даже обнять и приласкать меня первый раз в жизни. Мое сердце замерло в ожидании.

Моя мать сбросила меня с крыши.

Я громко закричал, когда рухнул вниз на спутанные телевизионные и электрические провода, которые уберегли меня от падения на асфальт. Я в ужасе кричал, а Эвелин бегала туда-сюда по крыше, нервно оглядываясь по сторонам и приказывая мне замолчать. В конце концов, испугавшись того, что мои крики могут привлечь людей, она затащила меня на крышу и начала сильно трясти. Она сказала мне, что это была простая случайность и что я не должен рассказывать об этом отцу *никогда*, иначе он разозлится на меня, «*ты понял меня?*» Я кивнул. У меня текли слюни, я в испуге кивал и плакал.

Я ПОЗВОЛИЛ СЕБЕ ПОПЛАКАТЬ ОТ ДУШИ,

ТОЛЬКО КОГДА ВЫТАЩИЛ ПОСЛЕДНЮЮ
ЗАНОЗУ, ДА И ТО ПЛАКАЛ Я НЕ ОТ БОЛИ, А
ОТ ОСОЗНАНИЯ ТОГО, ЧТО В МИРЕ НЕ БЫЛО
НИ МЕСТА, ГДЕ Я БЫ ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ В
БЕЗОПАСНОСТИ, НИ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРОМУ Я
МОГ БЫ ДОВЕРЯТЬ ИЛИ ХОТЯ БЫ РАССКАЗАТЬ
ОБ ЭТОМ.

Той ночью, пока пьяный отец метался по квартире, где-то белугой завывала мать, а бабка изрыгала очередные проклятия, я сидел на полу ванной комнаты и с помощью маникюрных ножниц вытаскивал занозы из ног. Стоило мне только подумать о том, что произошло, как я начинал плакать, и каждый раз силой заставлял себя прекратить, ведь со слезами на глазах я бы не смог разглядеть занозы. Я позволил себе поплакать от души, только когда вытащил последнюю занозу, да и то плакал я не от боли, а от осознания того, что в мире не было ни места, где я бы чувствовал себя в безопасности, ни человека, которому я мог бы доверять или хотя бы рассказать об этом.

Глава 3

Быстрее пули

Устав от постоянных забот о моей сестре, София и моя тетка настояли на том, чтобы Чарльз обратился за помощью к матери Эвелин. Они надеялись, что ее присутствие благотворно скажется на психическом здоровье ее дочери. Отцу эта идея не понравилась, он уже повоевал с Грейс, когда суд аннулировал его брак и запретил въезжать на территорию Калифорнии, но он был бессилен перед их напором. Чувствуя себя совершенно несчастным, Чарльз позволил Грейс и попросил ее приехать в Нью-Джерси.

Это событие можно было назвать чрезвычайным, потому что до момента звонка материнская сторона семьи была для меня загадкой. С точки зрения Чарльза, только родственники с его стороны были достойны уважения, и к членам семьи Эвелин он относился как к деревенщине. Он настолько хотел стереть все связи с ними, что приказал Эвелин уничтожить все ее личные фотографии. Эвелин демонстративно разорвала несколько снимков у него перед носом, а остальные тайно отправила моей тетке на хранение.

Так как в семье никто и никогда не говорил о Грейс до момента, когда она вышла из автобуса, который привез ее из Калифорнии, я и не знал, что у меня вообще *есть* бабушка

по материнской линии. Все выглядело так, как будто отдел кастинга внезапно понял, что забыл нанять актрису на роль, и сделал это в самый последний момент, надеясь, что никто не заметит, что раньше в истории она никак не участвовала.

Грейс была одной из пятерых детей в семье, скитавшейся по засушливым районам Запада. Вместе с Эвелин она жила в шахтерских городках Вайоминга и работала на фермах Тексарканы и Арканзаса, пока наконец не переехала в старый трейлер в Вальехо, который и стал для них домом. С первого и до последнего дня моего с ней знакомства Грейс выглядела на все двести сорок семь лет, хотя на самом деле ей было не больше двухсот девяти. Ее кожа напоминала старый пергамент, а лицо было покрыто сеткой мелких морщинок, которые всегда двигались в противоположном направлении от того, куда она наклонялась, словно они вечно искали возможность убежать от своей хозяйки куда подальше. Ее лицо наглядно демонстрировало результаты воздействия слишком яркого солнца и выкуривания *неимоверного* количества сигарет. Каждое утро, прихватив с собой чашку кофе, она усаживалась в углу гостиной, вытаскивала свой набор для вязания и пачку сигарет «Кэмел» и приступала к непрерывному курению, окутывая комнату плотным облаком табачного дыма. Мой отец тоже курил, но по сравнению с Грейс он был просто любителем. Чарльз курил для разнообразия, а Грейс делала это для того, чтобы переделать земную атмосферу во что-то, что более подходило для предста-

вителей ее вида.

Грейс и отец презирали друг друга и старались держаться друг от друга на расстоянии, совершая круговые движения, словно скорпионы в банке. Ее присутствие вынудило Чарльза отложить ночные избиения до поры до времени, поскольку он знал, что, попытайся он совершить что-либо подобное, она бы выколола ему глаза своими вязальными спицами, пока он спит.

Когда Чарльз не было дома, Грейс уговаривала мать вернуться с ней в Вальехо и получить еще одно защитное предписание. Официально Эвелин не была замужем, так почему бы и не *уехать*?

– Как только Чарли найдет работу, все будет в порядке, – отвечала Эвелин, а потом добавляла: – Да и потом, куда я поеду? Что я там буду делать? Уж лучше здесь.

Уж лучше здесь. Это была ее мантра и источник моей нескончаемой злости. Для меня это звучало как «*Лучше ничего не делать, чем что-то менять*». Она выбирала инерцию как путь наименьшего сопротивления. Я видел, что мать и шагу не хочет сделать, чтобы изменить жизнь в лучшую сторону, и это внушило мне настоящий ужас перед идеей, что нужно смириться с тем, что *есть*, вместо того чтобы попытаться сделать так, как *может быть*. Я поклялся себе, что никогда не буду говорить себе такие слова, как «*здесь лучше, здесь безопаснее*», я буду пробовать изменить свой мир, и если он сгорит, то туда ему и дорога.

Телевидение превратилось в единственный способ хоть на время, но забыть о моей семье, и я тут же влюбился во все научно-познавательные программы о космосе и динозаврах и подружился с Багзом Банни, Супи Сейлсом, Капитаном Кенгуру, Космическим патрулем и Полковником Блипом.

Я поклялся себе, что никогда не буду говорить себе такие слова, как «ЗДЕСЬ ЛУЧШЕ, ЗДЕСЬ БЕЗОПАСНЕЕ», Я БУДУ ПРОБОВАТЬ ИЗМЕНИТЬ СВОЙ МИР, И ЕСЛИ ОН СГОРИТ, ТО ТУДА ЕМУ И ДОРОГА.

В эти короткие моменты я был где-то совсем далеко от Патерсона. Но вот когда телевизор выключали, я снова возвращался туда, где был изначально, в этот отвратительный мир, который не имел для меня *никакого значения*.

И вдруг я открыл *это*.

Я нашел *его*.

Супермена.

Быстрее пули...

Мощнее локомотива...

Одним махом способного перепрыгнуть через небоскреб.

Я забывал о том, что за образом супермена скрывался Джордж Ривз, а «Приключения Супермена» – это всего лишь телевизионное шоу. Для меня Супермен был *настоящим* и, в отличие от моего отца, он был добрым, честным и справедливым, и атаковал только тех, кто напал на него первым.

Эпизод, который меня поверг в шок, назывался «Письмо

на день рождения». В нем Супермен соглашается отвезти девочку-калеку на сельскую ярмарку в день ее рождения. Незадолго до этого на него нападают бандиты.

Однако, невзирая на то, что они вытворяли, *я знал*, что он защитит ее, что он *никогда на свете* не отступит, пока не отвезет девочку на ярмарку.

Я плакал без остановки. Если бы Супермен был моим отцом, он никогда бы не позволил кому-нибудь или чему-нибудь обидеть меня.

Увы, он *не был* мне отцом, я был одиноким и беспомощным, и ничто не могло это изменить.

ДЛЯ МЕНЯ СУПЕРМЕН БЫЛ НАСТОЯЩИМ И,
В ОТЛИЧИЕ ОТ МОЕГО ОТЦА, ОН БЫЛ ДОБРЫМ,
ЧЕСТНЫМ И СПРАВЕДЛИВЫМ, И АТАКОВАЛ
ТОЛЬКО ТЕХ, КТО НАПАЛ НА НЕГО ПЕРВЫМ.

А потом меня полностью захватили мультфильмы Макса и Дэйва Флейшеров про Супермена. Мультрики были прекрасны даже на маленьком черно-белом экране нашего телевизора. Сцена, где Супермен использовал свой плащ, чтобы защитить Лоис Лейн от брызг раскаленного металла, привела меня в полный восторг, я ею просто зажегся. Вместо того чтобы рассердиться на нее из-за того, что она втянула их в неприятности, Супермен повел себя благородно, храбро и в конце концов *спас* Лоис. Этот эпизод намертво отпечатался в моем восприятии, и мой разум начал вращаться вокруг одного чрезвычайно важного понимания:

Нет, Супермен никогда не стал бы моим отцом, но если я очень и очень захочу, то, может быть, я сам когда-нибудь *стану* Суперменом. Идея не выглядела такой уж неправдоподобной, тем более что в «Приключениях Супермена» был эпизод о мальчишке, который нашел костюм Супермена, надел его и стал чуть ли не таким же неуязвимым, как сам Супермен. У меня не было костюма Супермена (у одного мальчишки с нашей улицы *был* такой костюм, и это здорово меня раздражало, в том числе потому, что он не осознавал всей его мощи и силы). Но когда я закрывал глаза, то легко мог представить себя в нем, а это ведь почти так же круто, правда?

Если бы я был Суперменом, никто не посмел бы обидеть меня. Я бы защитил мать, и она не злилась бы на меня и не пыталась снова сбросить меня с крыши. Но даже если бы она это сделала, это не имело бы никакого значения, ведь я был бы Суперменом, и я бы просто полетел вверх, навстречу небу.

Ближе к осени Эвелин стала чувствовать себя лучше, она вышла из тяжелой депрессии, что позволило ей вести более или менее нормальную жизнь, и Грейс вернулась к себе в Вальехо, а я пошел в школу Святого Причастия, где из меня собирались сделать прилежного католика. Первый раз в жизни меня окружали сверстники, и я прошел что-то вроде обряда посвящения, в котором участвовали школьные задиры. Сестры-воспитательницы редко появлялись на игро-

вой площадке, ведь их воспитанники – выходцы из одного из криминальных районов города, которые в общем-то были обречены встать на путь преступности, так что к чему было тратить на них усилия? Возможно, они воспринимали время, проведенное с нами на площадке, как часть профессионального обучения. В большинстве случаев я проводил свободное время, тихо сидя в уголке школьного двора, пока все остальные дети играли, так что школьные задиры не донимали меня до того дня, когда трое ребят из старших классов не начали бить одну из девочек.

Чем дольше они били ее, тем злее становился я, потому что сцена напомнила мне то, что я так часто видел дома. В конце концов я вспомнил, как Супермен стоял над Лоис Лейн, прикрывая ее плащом, и, словно могучее дерево, вырос между обидчиками и девочкой. Кулаки прижаты к бедрам, ноги слегка расставлены в классической позе. Я представил себя в костюме своего любимого героя и с плащом, развевающимся на ветру. Мои противники были раза в два крупнее меня, но я был уверен, что ярость, которую излучали мои глаза, и героическая поза повергнут их в бегство.

Они повалили меня на тротуар.

Меня избивали в течение нескольких недель, и в конце концов я вышел из себя.

Как всегда, они поджидали меня на игровой площадке во время перерыва на ланч, и, как только сестры-воспитательницы ушли в здание школы, самый здоровенный из мо-

их обидчиков попытался схватить меня. Я отпрянул назад и вдруг увидел чью-то металлическую коробку для завтраков с острыми ребрами и углами. Не раздумывая, я схватил ее и со всей силы опустил на голову нападавшего, раскроив ему лоб до мяса. Громко закричав, парень упал на землю. Из здания школы выскочили воспитательницы, а я все стоял и смотрел на кровь, которая алым фонтаном вырывалась из раны...

...а потом я просто отключился.

Дальше я помню только, что очнулся в кабинете у матери-настоятельницы. Я чувствовал себя сильно напуганным и постоянно плакал. Я пытался объяснить, что произошло, но слова тонули в моих рыданиях и всхлипываниях. Единственным, что я смог вспомнить, была кровь. Пытаясь хоть как-то успокоить меня, настоятельница взяла со стола первое, что попало под руку, – простой канцелярский степлер, – и дала его мне в качестве подарка и подтверждения того, что меня не убьют.

Она сказала, что мальчишку, которого я ударил, отвезли в больницу и там ему наложат швы. Я ничего не понял про швы, но было ясно, что дела мои плохи.

В школу за мной пришли мать и тетка, и настоятельница сказала им, что, так как не я был зачинщиком драки, меня не исключат из школы при условии, что подобное больше не повторится. В тот вечер отец отвел на мне душу. Он сказал, что я такой же псих, как и моя мать, и что с головой у меня явно не все в порядке. Но я-то знал, что он был не прав,

потому что швы наложили не на *мою*, а совсем на другую голову.

Через пару дней мой обидчик снова появился в школе.

Увидев меня, он в ужасе закричал и от страха вжался в стену, ожидая, что я ударю его и в этот раз. Я вспомнил, как мать-настоятельница подарила мне степлер, чтобы успокоить меня, и поэтому вытащил из кармана карточку динозавра, которую нашел в начале недели. На ней был изображен стегозавр. Я несколько недель упорно разрывал пачки жевательной резинки в поисках этой самой карточки. Мне очень хотелось показать мальчишке, что ему ничего не угрожает. Он взял карточку и успокоился, но за все мое недолгое пребывание в той школе ни разу так ко мне и не подошел.

ТАК Я ПОЛУЧИЛ СВОЙ ПЕРВЫЙ УРОК О ТОМ, ЧТО ВСЕ ЗАДИРЫ И ХУЛИГАНЫ – ТРУСЫ. НО ЭТО ПОНИМАНИЕ НЕ УМЕНЬШИЛО МОЕГО СТЫДА ЗА ТО, ЧТО Я СДЕЛАЛ ДРУГОМУ ЧЕЛОВЕКУ БОЛЬНО, И Я ПОКЛЯЛСЯ НИКОГДА ТАК БОЛЬШЕ НЕ ДЕЛАТЬ.

Так я получил свой первый урок о том, что все задиры и хулиганы – трусы. Но это понимание не уменьшило моего стыда за то, что я сделал другому человеку больно, и я поклялся никогда так больше не делать. Меня начинало мутить, как только я вспоминал о случившемся, и я совершенно не понимал, почему моему отцу так *нравилось* делать другим больно.

Глава 4

Смерть как стиль жизни

Семья Стражински, помимо пристрастия ко всем известным современной науке видам алкоголя, была помешана на смерти. Как только кто-то из знакомых умирал, все самые омерзительные и кровавые обстоятельства смерти препарировались и детально обсуждались в течение долгих дней, особенно если умерший состоял в довольно объемном списке людей, которых моя семья считала дерьмом и отбросами.

Словно зависимая от Смерти, София была одержима похоронами. Она ходила на похороны не только тех, кого знала, но и на похороны людей, *абсолютно ей неизвестных*. В церкви она рыдала вместе с остальными скорбящими, а потом шла на поминки и приносила домой столько еды с поминального стола, сколько влезало в ее объемистую ручную сумку. Она говорила, что такая еда особенно нравилась ей, потому что она была свежей, ведь никто не будет усугублять горе скорбящих, подсовывая им несвежие и дешевые продукты для поминального стола. Однако я думаю, что Софии просто нравилась идея умыкнуть что-нибудь с тарелки самой Смерти.

Моя очередь познакомиться с похоронами подошла в день, когда отец взял меня на поминальную службу по слу-

чаю смерти мальчика моего возраста. Он играл в каньоне для добычи гравия и задохнулся после обвала. Отец не знал ни мальчика, ни кого-либо из его семьи, но это не остановило его, и он долго кружил по улицам на машине, пока наконец не нашел нужный адрес из объявления в газете. Он хотел, чтобы я посмотрел на мертвого мальчика в гробу, словно на предупреждение о том, что ни в коем случае нельзя играть в каньонах для добычи гравия.

Надо сказать, что планов играть в каньонах с гравием у меня не было.

Впрочем, и самих каньонов в радиусе десяти миль от нашего дома тоже не наблюдалось.

Но было важно показать мне, чем все может закончиться, если я, *возможно*, задумаю поехать через весь город, чтобы поиграть в каньоне. И вот я смотрел на гроб, цветы, на церковь, полную скорбящих людей. Моей бабки не было среди них. Полагаю, в тот день где-то проходили более богатые похороны, где подавалась еда получше. Я видел мертвеца первый раз в жизни: неподвижное тело манекена, бледные щеки, слишком очевидно подкрашенные косметикой, – все это не оставило у меня сильного впечатления, я не был знаком с мальчиком в гробу и был слишком мал, чтобы понимать что-то о смерти.

Понимание того, что такое смерть, пришло чрез несколько месяцев спустя, когда совершенно неожиданно в возрасте пятидесяти трех лет умер Виктор Рафаэль Рахвальски.

Прощаться с умершим пришло множество знавших и любивших его людей. На этот раз горе и плач моей бабушки были искренними, она не притворялась, не старалась привлечь к себе внимание и не думала о пирогах с поминального стола. В определенный момент она настолько обезумела от горя, что разорвала на себе одежду и рухнула на пол. Пока все занимались бабушкой, я, так и не понимавший ничего о смерти, подошел к открытому гробу. Мне никак не могло прийти в голову, что мой друг пан Рафаэль там делал. Ведь нужно было рисовать, а потом идти за мороженым на угол улицы и тянуть на веревке мою голубую педальную машину. Я протянул руку и дотронулся до манжеты рукава умершего.

– Пан Рафаэль, вставайте, нам надо идти.

Кто-то вскрикнул за моей спиной. Отец в смущении быстро оттолкнул меня от гроба, а бабушка снова упала в обморок.

А пан Рафаэль безучастно лежал в гробу.

Позже я стоял в дальнем углу комнаты и смотрел, как гроб закрыли крышкой и погрузили в катафалк, чтобы отвезти на кладбище. Я помахал рукой вслед похоронной процессии.

Проходили дни, и я постепенно начинал понимать, что больше никогда не увижу пана Рафаэля. Моего друга больше не было рядом, остались одни только монстры.

На этом Год Смерти для меня не закончился.

ПРОХОДИЛИ ДНИ, И Я ПОСТЕПЕННО
НАЧИНАЛ ПОНИМАТЬ, ЧТО БОЛЬШЕ НИКОГДА

НЕ УВИЖУ ПАНА РАФАЭЛЯ. МОЕГО ДРУГА
БОЛЬШЕ НЕ БЫЛО РЯДОМ, ОСТАЛИСЬ ОДНИ
ТОЛЬКО МОНСТРЫ.

Однажды холодным ветреным днем София взяла мать и меня на кладбище на ежегодное паломничество к могиле ее первенца. В руках она несла белый пенопластовый крест, украшенный красными и голубыми цветами. София уверенно шла по кладбищу к квадратной мраморной надгробной плите, выделявшейся на фоне зеленой травы. Подойдя к могиле, она перекрестилась, нагнулась и положила на землю венки.

Закончив молитву и перекрестившись еще раз, она при-тянула меня к себе, указала на надгробие и спросила:

– Ты знаешь, что здесь написано?

Конечно же, я знал. Мне только что исполнилось шесть лет, и, как большинство детей, я перво-наперво выучил, как пишется мое имя.

Надпись на мраморной плите гласила: **Джозеф Стра-
жински.**

– Это твое имя, – сказала бабка. – Это *ты*.

Я не помню ничего, что происходило потом, вплоть до мо-мента, когда мы вернулись домой. Предполагаю, что некая часть моего сознания поставила прочные перегородки, как бы надежно отделив меня от мыслей о том, что значат слова «*Это ты лежишь там, в земле*».

Однако с того самого дня я глубоко осознал собственную

смертность. Я понял, что существую на этом свете кратчайший промежуток времени, всего лишь миг, и что я должен использовать это время наилучшим образом. Я понял, что должен *сделать* хоть что-то со своей жизнью.

Через несколько дней утром я встал с кровати и вышел в гостиную, где меня уже ждали родители. Отца только что выгнали с очередной работы, но в этом не было ничего необычного. *Необычным было* то, что он сказал.

– Мы переезжаем в Калифорнию.

Глава 5

Обед из голубя и арбузов

В тайне от Софии отец связался с моим дедом, который всю жизнь кормил Чарльза историями своих успехов и жизненных побед. Казимир рассказывал о крупных деньгах, которые можно было заработать в Калифорнии, о земле, что стоила всего ничего, о том, как на ней можно выращивать виноград или строить дома. Мой отец отвечал в том же духе, рассказывая сказки о деньгах и прочих ресурсах, которые он был готов вложить в бизнес. Они совместно создавали призрачный мир, состоявший из лжи и отчаяния, потому что оба были нищими неудачниками. Мой отец надеялся добраться до богатства, которым хвастал дед, а Казимир надеялся, что его успешный вновь обретенный сын позаботится о своем стареющем отце.

Когда, наконец, Казимир предложил профинансировать любое начинание моего отца, Чарльз согласился переехать в Лос-Анджелес, чтобы вместе создать общую деловую империю.

У нас никогда не было много мебели — так, несколько предметов жалкого интерьера, которые можно было быстро уложить в трейлер до приезда кредиторов, — и поэтому мы были готовы к путешествию уже утром следующего дня. Мне

разрешили взять две картонные коробки с вещами: одна для одежды, другая для игрушек. Все, что не помещалось, было роздано или выброшено. Вот почему сегодня у меня не осталось ничего, что принадлежало мне в детстве. Все было разбросано вдоль дорог или оставлено в мусорных баках по всей Америке, став жертвой банальной нехватки места в коробке.

Путь в Калифорнию на стареньком «Студебеккере» отца превратился в некий квест, по окончании которого мы должны были узнать, сколько миль мы сможем проехать до того, как остановимся в полном изнеможении. Мы ели и спали в машине, пользовались туалетами на заправочных станциях и добрались до Лос-Анджелеса всего за неделю. Нам пришлось прожить в машине еще несколько дней, в течение которых отец безуспешно пытался встретиться с дедом. Ранее Казимир говорил, что мы сможем остановиться у него, а теперь он вдруг начал ссылаться на занятость и деловые встречи и предложил нам самим найти временное жилье, пока он разберется со своими делами.

ВОТ ПОЧЕМУ СЕГОДНЯ У МЕНЯ НЕ
ОСТАЛОСЬ НИЧЕГО, ЧТО ПРИНАДЛЕЖАЛО
МНЕ В ДЕТСТВЕ. ВСЕ БЫЛО РАЗБРОСАНО
ВДОЛЬ ДОРОГ ИЛИ ОСТАВЛЕНО В МУСОРНЫХ
БАКАХ ПО ВСЕЙ АМЕРИКЕ, СТАВ ЖЕРТВОЙ
БАНАЛЬНОЙ НЕХВАТКИ МЕСТА В КОРОБКЕ.

Мы поселились в одной из лачуг на Саус-Кларенс-стрит, в паре кварталов от Скид-Роу. Все лачуги были собраны из

блоков, сделанных из вагонки и шлака, и были покрыты вечным слоем белой пыли. Весь квартал этих жалких халуп находился в окружении заброшенных промышленных зданий, магазинов, набитых спиртным по самые крыши, пустырей, на которых жили бродяги в своих картонных коробках, и дешевых почасовых ночлежек, которыми пользовались в основном проститутки.

Когда отец и Казимир наконец встретились, вся обоюдная ложь выползла наружу, создав неловкую для всех ситуацию. Чарльз грозился вернуться в Нью-Джерси, но даже я знал, что он блефует, так как это бы означало, что он совершил ошибку.

В итоге мы прожили в нашей лачуге еще несколько месяцев, питались один раз в день тем, что удавалось получить в столовых Армии Спасения и на кухнях волонтеров Американского центра обслуживания.

ОТ ГОЛОДА В ЖИВОТЕ ПОСТОЯННО УРЧАЛО,
А СПАЛ Я НА МАТРАСЕ, БРОШЕННОМ НА
ЦЕМЕНТНЫЙ ПОЛ, И ДЕЛИЛ ЕГО С КЛОПАМИ И
ТАРАКАНАМИ.

От голода в животе постоянно урчало, а спал я на матрасе, брошенном на цементный пол, и делил его с клопами и тараканами. Я был весь в клоповых укусах и каждое утро вычесывал вшей из волос только для того, чтобы освободить место для других. Мои попытки избавиться от них превратились в психоз, и я чувствовал, как по моей голове ползает

вши даже тогда, когда уже полностью от них избавился.

Казимир говорил по-английски чуть лучше, чем София, но он редко произносил более чем несколько предложений, после чего замолкал с видом человека, чьи надежды не реализовались, а так и остались в далеком прошлом. Он постоянно находился в состоянии меланхолии и отстраненности, края его пиджака выглядели сильно потрепанными, и он все время прикладывался к бутылке водки, спрятанной в бумажном пакете. Его взгляд был постоянно обращен внутрь самого себя, Казимир превратился в слабый отголосок человека, задавленного жизненными обстоятельствами. Он редко разговаривал со мной, и я был очень удивлен, когда однажды днем он предложил мне вместе прогуляться. На автобусе мы добрались до ближайшего парка, где он разложил на земле бумажный пакет и потом вытащил кусок черствого хлеба из кармана и выложил дорожку из крошек, ведущую в пакет. Дед сказал мне, что мы сыграем в одну игру. Я должен был подождать, пока голубь заберется в пакет, а потом быстро схватить пакет до того, как голубь успеет из него выбраться.

Игра показалась мне странной, но это была Калифорния, и я подумал, что здесь так принято.

Мне удалось поймать голубя после нескольких неудачных попыток.

– И что теперь? – спросил я.

– А теперь мы заберем его с собой, – ответил дед. – Но мы не скажем об этом водителю автобуса, а то он мигом нас

высадит.

Как только мы зашли в автобус, голубь начал дергаться в пакете, пытаясь выбраться наружу. Чтобы отвлечь пассажиров от того, что происходило на самом деле, Казимир начал ругать меня, как будто это была *моя* вина.

– Сиди спокойно, ты мешаешь приличным людям, оставь в покое этот пакет!

Наконец, мы добрались до здания старой четырехэтажной гостиницы дома без лифта и стали подниматься по лестнице мимо спящих на деревянных ступеньках бродяг. Воняло мочой, рвотой и дешевым пойлом.

На втором этаже было необычно темно. Окна с обеих сторон холла были завешаны простынями, а почти все лампочки вывернуты. Те же, что все еще оставались, тускло освещали женщин, стоявших поодиночке или маленькими группками. Мне показалось странным, что все они были в нижнем белье, и я подумал, что они, должно быть, только что проснулись.

– Какой симпатичный малыш, – сказала одна из них, потрепав меня по волосам. – Ты принес мне подарочек, милый?

Запыхавшийся Казимир пробормотал что-то грубое сквозь зубы и продолжил подъем.

– Приходи к нам, когда подрастешь, – смеясь, сказала та же женщина, пока я взбирался наверх по лестнице.

Мы добрались до комнаты деда на следующем этаже, он взял у меня пакет с голубем и велел ждать в холле.

Через несколько минут он вышел, сунул в руку монетку на автобусный билет и велел одному ехать домой.

Женщины на втором этаже снова засмеялись и махали мне руками, пока я спускался, пробираясь сквозь всю эту вонь и «роскошь».

С тех пор игра с голубем превратилась в наш еженедельный ритуал. Я не понимал, зачем деду нужны были голуби и что он с ними делал, но надеялся, что дед их отпускал. Все изменилось в день, когда мы пришли к нему, и я попросился в туалет. Он нехотя отворил дверь, и я оказался в однокомнатной квартирке с кроватью, стулом и кухонным буфетом, на котором стояла электроплитка.

Выйдя из туалета, я посмотрел за буфет и увидел то, что вначале принял за маленькие палочки, но, присмотревшись, понял, что это были кости.

Голубиные кости.

Я не знал, упали ли они туда раньше, или дед смахнул их на пол, чтобы я их не видел, но именно в тот момент я начал понимать, какими же бедными были я и моя семья.

Через несколько недель мы поймали голубя, но уже в другом парке (мы меняли места охоты, чтобы избежать неприятностей), и тут дед вспомнил, что забыл свои очки в нашей лачуге, так что нам пришлось сначала заехать туда. Я беспокоился о том, что бумажный пакет с голубем не выдержит долгого путешествия, но дед отверг все мои сомнения, потому что хотел успеть забрать их до того, как отец вернет-

ся домой после его ежедневных шатаний между абстрактной работой и вполне конкретными барами. Когда мы вышли из автобуса за полквартала от дома, то увидели припаркованную отцовскую машину.

— Жди здесь, — сказал Казимир и зашел в дом.

Я старался не маячить перед входом, но отец заметил, как я пытаюсь спрятаться за углом, и велел зайти в дом.

Едва я зашел, бумажный пакет порвался, и голубь выбрался наружу. Он сделал круг по комнате, ударяясь о стены и окна, пока Эвелин не выгнала его шваброй на улицу. Когда отец понял, в чем дело, он начал орать на Казимира, но не потому, что тот отправлял меня, семилетнего мальчишку одного в автобусе через весь Скид-Роу, и не потому, что мы убивали голубей, а потому, что лично он чувствовал себя глубоко оскорбленным. После этого он схватил Казимира за шиворот и вышвырнул его на улицу, еще и дав ему пинок под зад. Лишенный человеческого достоинства и скромной порции мяса на весь день, Казимир подобрал шляпу, посмотрел на орущего отца и исчез в переулке.

Я НЕ ЗНАЛ, УПАЛИ ЛИ ОНИ ТУДА РАНЬШЕ, ИЛИ ДЕД СМАХНУЛ ИХ НА ПОЛ, ЧТОБЫ Я ИХ НЕ ВИДЕЛ, НО ИМЕННО В ТОТ МОМЕНТ Я НАЧАЛ ПОНИМАТЬ, КАКИМИ ЖЕ БЕДНЫМИ БЫЛИ Я И МОЯ СЕМЬЯ.

Это был конец моей голубиной игры.

Я ходил в школу на Юта-стрит, и местные мальчишки,

узнав, что мы живем в убогих лачугах для бездомных, объявили меня мусором. Они поджидали меня у ряда мусорных баков, располагавшегося неподалеку от нашей лачужки, и в подтверждение назначенного мне статуса кидались в меня мусором, когда я пробегал мимо. Особенно им нравилось бросать в меня арбузными корками:

они летели далеко и имели весьма ощутимый вес при падении. Арбузы были дешевыми, и поэтому в мусорных баках их было очень много. Я приходил домой весь в пыли и грязи, липкий от арбузного сока и обсыпанный черными семечками. Я пытался объяснить матери, что происходит, но она мне не верила и говорила, что я обыкновенный неряха.

И вот однажды я сказал кое-кому из ребят в школе, что моих родителей не будет днем дома и мне придется подождать их на крыльце у закрытой двери. Эта новость быстро облетела всю школу и, конечно же, дошла и до «Группы физического воздействия», которая сразу же после звонка об окончании уроков помчалась в сторону мусорных баков, чтобы загрузиться арбузными корками.

Я дошел до места, где, по моим расчетам, они должны были увидеть меня, а потом принялся бежать. Они рванули за мной, на бегу бросая арбузные корки и снова подбирая те, что упали, чтобы опять метнуть их в меня. Добежав до нашей лачуги, я быстро запрыгнул внутрь и закрыл дверь, а потом, выждав пару секунд, снова отворил дверь и выглянул на улицу. Арбузные корки одна за другой полетели в мою

сторону. Я снова быстро захлопнул дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.